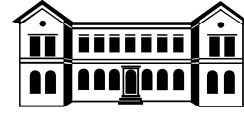

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Deutsch-Russische Begegnungen 2012

**in den Franckeschen Stiftungen zu Halle
17.-21. Oktober 2012**

Vom Sammeln zum Systematisieren

Der Übergang vom musealen Sammeln archäologischer, naturhistorischer und völkerkundlicher Objekte aus Sibirien zum Aufbau von Klassifizierungs- und Taxonomiesystemen für verschiedene Wissenschaftszweige in Russland im 18. Jahrhundert und deren Bedeutung heute

Eine Tagung der Franckeschen Stiftungen zu Halle, des Max-Planck-Instituts für ethnologische Forschung und der Internationalen Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft e.V. in Kooperation mit dem Zentralmagazin Naturwissenschaftlicher Sammlungen der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg und dessen Förderverein

Zusammenfassungen (Abstracts) der Vorträge

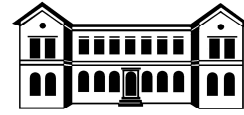
Redigierte Version, 30. Oktober 2012

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Prof. Dr. Vladimir A. Abašnik

Charkower Universität für Wirtschaft und Recht, Charkiv

System(atisieren) vs. Eklektik. Hallesche Aufklärungsphilosophie und ihre Einflüsse auf Naturwissenschaften

Im Mittelpunkt des Beitrags steht das Verhältnis zwischen der Systematik und der Eklektik. Diese Problematik wird am Beispiel der Aufklärungsphilosophie an der Universität Halle und ihrer Einflüsse auf die Naturwissenschaften im 18. Jahrhundert in drei Teilen vorgestellt.

Erstens werden beide Begriffe (System und Eklektik) im historischen Kontext kurz skizziert. Dabei wird darauf hingewiesen, dass das System ein geordnetes und gegliedertes Ganzes bzw. ein kognitives, organisches, künstlerisches oder politisch-soziales Gebilde bedeutet; demgegenüber übernimmt die Eklektik das Gute aus verschiedenen Lehren und von verschiedenen Autoren (nach dem Paulus-Wort "Prüfet alles; das Gute behaltet!", 1. Thess. 5, 21). Im Zentrum beider stehen aber Kriterien: Nach welchen Kriterien wird das System gebaut bzw. das Gute im Rahmen der Eklektik ausgewählt?

In diesem Zusammenhang werden *zweitens* Diskussionen um System(atisieren) bzw. Eklektik am Beispiel der beiden philosophisch-theologischen Richtungen der Halleschen Prägung berücksichtigt. Einerseits handelt es sich um die eklektische Philosophie des bedeutenden protestantischen Theologen und Philosophen Johann Franz Budde (1667-1729), der von 1693 bis 1705 Professor der Moralphilosophie in Halle, danach Theologieordinarius in Jena war. Mit Buddes durch den Pietismus inspirierter Philosophie war die vorwiegend empiristische Richtung des Hallenser Philosophen und Juristen Christian Thomasius (1655-1728) und seiner Schüler eng verbunden. Diese Richtungen bildeten einen Gegensatz zu der von Leibniz gegründeten Systemphilosophie, die von Christian Wolff (1679-1754), der von 1707 bis 1723 und seit 1740 in Halle lehrte, und seiner Schule vertreten wurde ("Leibniz-Wolffsche Philosophie").

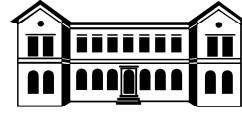
Drittens werden die Einflüsse der Diskussionen zwischen den genannten System- und Eklektik-Philosophen auf die Naturwissenschaften im Russischen Reich des 18. Jahrhunderts berücksichtigt. Dabei werden die naturwissenschaftlichen Schriften der russischen und deutschen Alaska- und Kamtschatka-Forscher G.W. Steller, S. Krašeninnikov u.a. im Mittelpunkt stehen. Bekanntlich wurden Arbeiten der oben erwähnten Hallenser Philosophen, darunter J.F. Buddes "Elementa philosophiae instrumentalis" (1712), von Steller, Krašeninnikov u.a. Naturwissenschaftlern auf ihren Expeditionen mitgenommen (vgl. Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730-1733, Akademiegruppe, hg. v. Wieland Hintzsche, Halle 2004, S. 445).

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Prof. Dr. Michail P. Andreev

Komarow-Institut für Botanik der Russischen Akademie der Wissenschaften, St. Petersburg

The beginning of scientific systematics and botany in Russia in the 18th century

The difference between floristics as a science vs. the simple collecting of plants lies in the critical study of the collected material and publication of results, usually in form of "Florae", "Handbooks" and "Check-lists". Scientific floristics has arisen in Russia in the 18th century.

The reforms of Peter the Great resulted in the development of modern science in Russia. The compilation of the first herbarium in *Kunstkamera* and the construction of the Botanical Garden had in that time very high significance. Important were also the famous academic expeditions, the routes of which formed a network across the vast territory of the Russian Empire.

First among the explorers of the Russian flora was D. G. Messerschmidt. By decree of 1718, Peter I gave Messerschmidt the task to "collect rarities and medicinal plants" from Siberia.

First scientific work of the academician Johann Buxbaum (1694-1730) in Russia was the description of plants in the vicinity of St. Petersburg. In 1724 Buxbaum was a member of a delegation sent to Turkey. He later analysed his rich botanical collections at the Academy of Sciences, but his early death in 1730 prevented him from finishing the important botanical publication «*Plantarum minus cognitarum*», in which many new taxa were described.

Johann Georg Gmelin (1709-1755) was a very productive and extensive botanist. As a scientific participant of the Second Kamchatka expedition he travelled from 1734 to 1742 through Siberia, collecting plants in very different regions from Mangazeya to the Sayan Mountains. On the basis of these studies he published the fundamental work "*Flora sibirica, sive Historia plantarum sibiricae*", which contains descriptions of 1178 plant species, of which 500 were new taxa.

A remarkable person among the first botanists of the Academy was Johann Amman. He investigated the specimens which were delivered to the *Kunstkamera*, and as a result of his activity the herbarium numbered 4676 plant species. That was a huge amount in those days. Amman published the large work on Russian flora "*Stirpium rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptions*", in which 285 species of Siberian flora were described and illustrated.

At the same time, in 1738, Georg Wilhelm Steller, adjunct of natural history, took part in the Second Kamchatka Expedition as an assistant of Gmelin. First he worked in Siberia and then from 1740 to 1743 in Kamchatka. Stepan Krasheninnikov was also invited in 1732 to the Kamchatka expedition. After returning back to St. Petersburg Krasheninnikov worked at the Botanical Garden, which gave him the opportunity to study the flora of St. Petersburg Province. He has collected more than 500 plant species and has left the manuscript "*De plantis Ingricis*".

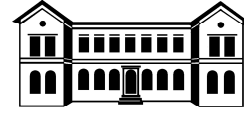
Not only vascular plants were the subject of the first Russian botanists. J. G. Gmelin prepared a whole volume on cryptogams as part of his "*Flora of Siberia*". S. G. Gmelin published an important work about algae, "*Historia fucorum*".

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

All these works created the basis of Russian botany, systematics and floristics. They initiated the extensive, all-encompassing study of the flora and vegetation of the Russian Empire. They incorporated the traditions of classical botany, which became generally characteristic for Russian botany.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Larisa D. Bondar'

Archiv der Russischen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg

Постижение Сибири: иллюстративные материалы по топографии Сибири 18 в. в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПФ АРАН)

В СПФ АРАН отложился обширный иллюстративный материал, созданный в результате академических экспедиций в Сибирь в 18 в. Одним из таких собраний является фонд Г. Ф. Миллера (ф. 21), в котором сохранились иллюстративные документы, созданные в ходе Второй камчатской экспедиции. Эти документы распадаются на три группы.

Во-первых, это выполненные тушью и раскрашенные планы населенных пунктов, через которые проходила экспедиция – городов (Тобольск, Иркутск, Красноярск, Томск, Удинск и др.) и крепостей (Семипалатинская, Троицкая, Усть-Каменогорская и др.). Этот блок документов отражает также интерес к промышленным объектам Сибири (планы Аргунских серебряных заводов и Колывано-воскресенских заводов), которые получают более детальное освещение в ходе позднейшей академической экспедиции на Урал и в Сибирь 1784–1796 гг. под руководством И. Ф. Германа. Сохранившиеся в фонде И. Ф. Германа (ф. 27) планы и чертежи, помимо того, что обладают историографической ценностью, дают материал по истории развития графических изображений, демонстрируя, что в 18 в. чертежники использовали современные методы исполнения чертежей (в частности, метод ортогональной (прямоугольной) проекции), задолго до их теоретического обоснования.

Вторая группа документов из фонда Г. Ф. Миллера – акварельные виды сибирских городов (Тобольска, Иркутска, Томска и Тары), относящиеся к творчеству известных академических рисовальщиков, бывших в составе экспедиции: И. Х. Бергхана и его преемника И. В. Люрсениуса (рисунков за подписью третьего экспедиционного рисовальщика И. К. Деккера в фонде не имеется). Третья группа – авторизованные рисунки И. В. Люрсениуса археологических находок и ритуальных предметов, обнаруженных в ходе экспедиции. Выполняя свое научно-историографическое назначение, одновременно эти авторские рисунки, не ставя перед собой большие художественные задачи, обладают все же всеми характерными признаками графики первой половины 18 в.

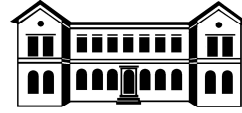
Перечисленный иллюстративный материал оказывается источником не только по историографии академических экспедиций в Сибирь, но и по истории научного рисования, графического изображения и чертежного мастерства 18 в.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Dr. Roland Cvetkovski

Abteilung für Osteuropäische Geschichte, Historisches Institut, Universität zu Köln

Information und Wissen. Ethnografische Darstellungen und Verarbeitungen Sibiriens um 1700

Die endgültige Aushärtung der Ethnografie zur Wissenschaft erfolgte in Russland erst Mitte des 19. Jahrhunderts. Das 18. Jahrhundert gilt mit seinen zahlreichen Expeditionen zu Recht als Zeitraum, in dem ethnografische Materialien gesammelt und angehäuft wurden, um vor allen Dingen Wissen über die Zusammensetzung des Reiches zu erlangen. Ethnografie im eigentlichen Sinn wurde als Wissenschaft vom anderen verhandelt: Sie gab Aufschluss nicht nur darüber, welche Volksgruppen das russische Reich besiedelten, sondern erzeugte in erster Linie Maßstäbe, die "Differenz" innerhalb des Imperiums erstmals zivilisatorisch fest-schrieben. Ein so gefasster Unterschied hatte sich demnach mit der neuen Ausformulierung von Herrschaftsinteressen verbunden, und die Nähe staatlicher – und das heißt zu Anfang des 18. Jahrhunderts zugleich: imperialer – Einflüsse auf die Konzeptionalisierung vom Anderen sind daher unabweisbar.

Diese auf einem neuen imperialen Verständnis beruhenden Ansprüche, die der russische Staat an die sich formierende Wissenschaft vom Anderen stellte, wirkte sich, so die These dieses Papers, erheblich auf die Aufbereitung des ethnografischen Materiales aus, das über Sibirien gesammelt worden war. Um Wissen herrschaftlich handhabbar zu machen, ging es in erster Linie also darum, lose zusammengesammelte Materialien in eine bestimmte Ordnung zu bringen, und sogar diese Ordnung(en) in dem Prozess des Einsammelns zu etablieren.

Vor allem anhand der Berichte von Jurij Križanič, Nikifor Venjukov, Grigorij Novickij und Vasilij Tatiščev, welche diese über Sibirien geschrieben haben, versucht dieser Beitrag zum einen die Bedeutsamkeit des Imperialen für eine erste Verwissenschaftlichung der Ethnografie im 18. Jahrhundert herauszuarbeiten, zum anderen aber insbesondere den damit verbundenen Umschlag von ethnografischer Information zu ethnografischem Wissen plausibel zu machen. Beglaubigung und Herstellung von der Faktizität des Gesehenen sowie des Verarbeiteten stehen als Verfahren in diesen Zusammenhängen im Vordergrund. Aufschlussreich ist dabei, dass dasjenige, was als imperiales bzw. ethnografisches Wissen angesehen wurde, auf Praktiken rekurriert, die sich bereits in den frühneuzeitlichen russischen Verwaltungsstrukturen festgesetzt und etabliert hatten.

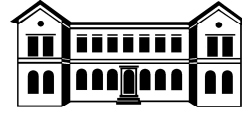
Dieser Beitrag möchte zeigen, dass bereits das so genannte "Sammeln" selbst einem bestimmten Ordnungsprinzip unterworfen war und auf die entsprechenden Manifestationen ethnografischen Wissens zurückwirkte.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Dr. Aleksej V. Grebenjuk

Zentraler Botanischer Garten, Sibirische Abteilung der Russischen Akademie der Wissenschaften

The fate of the Siberian herbarium collections of the first half of the 18th century and their "rediscovery" for the taxonomy and nomenclature (with reference to the genus *Statice* L.)

As stated by O. Belyaev (1800), in spite of the damage caused by a fire in the *Kunstkamera* in 1747, the Russian Academy of Sciences had a herbarium of 16,000 specimens in the early 19th century; it included the "Ruyschev, Ammanov, Gmelinov, Stellerov, Heinzelmännov i czast Sloanova travnika". A quarter of a century later, in 1823, Academician Carl Bernhard von Trinius found the botanic collections of *Kunstkamera* in a state of neglect and disorder and decided to keep only 4,000 to 5,000 species for storage (Ruprecht 1864).

It is complicated to evaluate how many of these specimens are still stored in the Russian Academy of Sciences. Today, the pre-Linnaean collections of J. G. Gmelin, G. W. Steller and others are not distinguished as separate depository items, their traces are "dispersed" in the materials of the Herbarium of the Komarov Botanical Institute (LE), which has approximately 7 millions of depository items.

It is assumed (by Lambert 1811 and Litvinov 1909) that most of herbal specimens depicted in Gmelin's *Flora Sibirica*, as well as the considerable part of Steller's collection, were sold by P. S. Pallas together with his personal collection, and that they are now outside of Russia. However, it turned out that many materials of Gmelin's *Flora Sibirica* are still stored in LE, but the history of some specimens from the Siberian collections of the early 18th century are quite convoluted.

During the author's work with the materials from North Asia in the LE for *Plumbaginaceae* Juss. in the European, Siberian, and General sectors of the main funds of the Herbarium, specimens with polynominal nomenclature were found. Of the 8 species of the genus *Statice* described by J. G. Gmelin in his *Flora Sibirica* (1749), the authentic material for 6 of them was found in the LE. Five of these herbal specimens are the prototypes of the published illustrations.

C. Linnaeus (1753) cited the polynominals and illustrations of Gmelin when he described 5 species of the genus *Statice* L. Taking into account that Gmelin personally sent the copies of Siberian *Statice* to Linnaeus before "«Species Plantarum»" was published, the authentic specimens found in the LE present part of initial (original) material and possess essential nomenclative value for Linnaean typification.

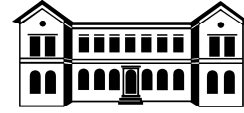
The other three of Gmelin's polynominal species were validated by C. L. Willdenow. Since the cited images from *Flora Sibirica* present part of the original material for Willdenow's species, the surviving herbal specimens (typotypes) from Gmelin's collection are of great importance for the interpretation of the taxonomic meaning of scientific names and can be used for their epitypification.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Dr. Jürgen Gröschl

Franckesche Stiftungen zu Halle

Pietistische Netzwerke in Russland. Die Erschließung der Russland-Korrespondenz im Archiv der Franckeschen Stiftungen

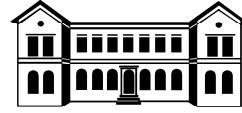
Planmäßiges Sammeln und systematisches Ordnen von Informationen gehört ebenso zu den Kernaufgaben von Archiven wie die ihrer wissenschaftlichen Erschließung. Der überwiegende Teil der Archivalien, die die Beziehung des Hallischen Pietismus zu Russland und Osteuropa widerspiegeln, befindet sich im Hauptarchiv der Franckeschen Stiftungen. Weitere Handschriften werden im Missionsarchiv aufbewahrt. Umfangreichere Bestandsgruppen sind des weiteren im sogenannten Francke-Nachlass der Staatsbibliothek zu Berlin abgelegt. In mehreren von der Deutschen Forschungsgemeinschaft geförderten Projekten werden im Studienzentrum August Hermann Francke diese Bestände seit 2000 nicht nur formal, sondern auch inhaltlich über Zusammenfassungen und normierte Schlagwörter erschlossen und in einer Datenbank im Internet für die Benutzung zur Verfügung gestellt. Im Beitrag werden die Möglichkeiten für die Benutzer vorgestellt, über verschiedene Recherchestrategien auf die Beschreibungen zuzugreifen und so die für ihre Fragestellung relevanten Dokumente auszuwählen.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Dr. Karsten Hommel

Franckesche Stiftungen zu Halle

Die Natur als Gottesbeweis. Sammeln und Forschen als angewandte Physikotheologie am Beispiel Christoph Samuel Johns

Erfreulicherweise wendet sich die heutige historische und theologische Forschung mit Nachdruck der Physikotheologie zu. Deren Gegenstand ist der Beweis für die Offenbarung Gottes in den Erscheinungen der Natur. Die Beschäftigung mit dieser international populären Strömung des theologischen Rationalismus vom 17. bis ins 19. Jahrhundert ist umso wichtiger, da sich nicht nur zahlreiche Theologen, Juristen, Pädagogen, Kaufmänner u. a. als Naturaliensammler überwiegend laienhaft im Geist der Physikotheologie mit der Naturgeschichte beschäftigten. Vielmehr verband sich auch das Wirken so herausragender Gelehrter wie Carl von Linné, Michail Vasil'evič Lomonosov und Charles Darwin mit der Naturtheologie.

Im Zusammenhang mit dem Halleschen Pietismus schlug sich die Physikotheologie bereits ansatzweise in der Anlegung der Kunst- und Naturalienkammer des Waisenhauses durch August Hermann Francke nieder. Hier wurde fortan über Schülergenerationen der Realienunterricht als naturnahe Form pietistischer Frömmigkeit und Erbauung zu Erziehungs- und Ausbildungszwecken praktiziert.

Besonderen Wert erlangte diese Theologie aber erst im Rahmen der Beschäftigung der Dänisch-Halleschen Missionare mit der Naturgeschichte in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Eine in Umfang, Spezialisierung und Systematik gänzlich neue Qualität erreichten dabei die Missionare Christoph Samuel John und Johann Peter Rottler. Das betraf sowohl deren naturkundliche Forschungen, private Naturaliensammlungen und Sammlungen im Auftrag europäischer Gelehrter als auch die Kommunizierung ihrer Forschungsergebnisse unter Nutzung des weltweiten pietistischen Korrespondenznetzwerkes und deren Publizierung in Fachzeitschriften. Bereits in den 30er Jahren des 18. Jh. hatten die halleschen Missionare in Südindien im direkten wissenschaftlichen Austausch mit der Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg gestanden. Unter Johns physikotheologischen Korrespondenzpartnern befanden sich jetzt so herausragende europäische Gelehrte wie Marcus Elieser Bloch, Leopold von Fichtel, Johann Reinhold Forster, Patrick Russell, Johann Christian Daniel von Schreber, Oluf Gerhard Tychsen, Johann David Michaelis, Eugen Johann Christoph Esper und Johann Hieronymus Chemnitz.

Dabei darf diese Beschäftigung der Missionare jedoch keinesfalls als wissenschaftlicher Selbstzweck missverstanden werden. Vielmehr war sie, wie insbesondere das Beispiel Christoph Samuel Johns sowohl in Theorie als auch Praxis beweist, angewandte Physikotheologie im Dienst des Missionsauftrags.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Prof. Dr. Aleksandr P. Jarkov und Dr. Dmitrij Gogolev
Institut für Geisteswissenschaften, Staatliche Universität Tjumen'

Утилитарное – сакральное – музейное (к формированию сибирских коллекций)

В музееведении очевидна трансформация назначения объектов искусственного происхождения, представляющих на определенном этапе своего существования три разные ипостаси, тогда как для природных объектов (как правило), переход в разряд «музейных» начинается с их атрибуции и научной классификации. Впрочем, и судьбы музеев различаются, где европейский путь их развития не применим для других регионов мира.

Формирование собственных музейных коллекций в условиях Сибири началось лишь в 19 веке, но предметы сибирского происхождения, так называемые редкости, появлялись в Европе значительно раньше. Как правило, эти вещи имели презентационный характер, и служили в качестве экзотических подарков. Шкуры, экзотические находки (в том числе археологические, антропологические, биологические, этнографические) пополняли собрания и коллекции, но не всегда атрибутировались как сибирские. И эта тенденция сохранялась долгое время.

Стоит к предметам, ныне представляющим "абсолютную" музейную ценность, присовокупить также рукописи, чертежи, рисунки и схемы, собранные или составлявшиеся в поездках по краю (или по их результатам) политиками, военными, строителями, промысловиками и служилыми людьми. Примером служат: пока не найденный (или еще не индицируемый) отчетный чертеж Н. Г. Спафария 1677-1678 годов, ставший известным в Европе благодаря иезуиту д'Аврилю в 1692 году; наброски к карте "Nova tabula Imperii Russici, ex omnium accuratissimis..." Э. (Е.) И. Идеса, изданной в 1704 году в Амстердаме благодаря помощи Н. Витсена. Не объявлялись "редкостью" созданная С. У. Ремезовым "Чертежная книга Сибири" и зарисовка тобольского кремля 1713 года, тогда как ныне (как и другие раритетные карты, рисунки, рукописи и схемы) являются украшением коллекций архивов, музеев и библиотек.

Для самих же православных сибиряков, не имевших музеев, но обладавших четким представлением о значимом и сакральном, хранилищами выступали церкви и "красные углы" с божницами, где хранились особо чтимые предметы, как то знамя атамана Ермака или иконы, с ним пришедшие в Сибирь.

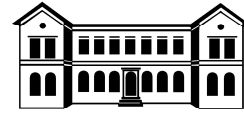
Сложилась практика, когда коллекции "редкостей" отправлялись правителю, например сибирскому губернатору М. П. Гагарину (первому "сибирскому музейному собирателю", поплатившемуся за это смертью), а затем в Санкт-Петербург – к царскому двору. Там их судьба и определялась: что-то шло в Кунсткамеру (ныне – Музей антропологии и этнографии), Сибирский приказ или архив (библиотеку) Академии наук, в военное ведомство (карты и рекогносцировки), а что-то (реже) – в качестве подарков иностранцам и отличившимся россиянам. Именно так оказалась у Петра I "сибирская коллекция", а собранные Г. В. Стеллером предметы сибирского и аляскинского происхождения – в Кунсткамере, "портфели Миллера" – в архиве Академии наук.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Не столько культурные, сколько природные ресурсы Сибири представляли огромный интерес для России и иностранных компаний, рвавшихся туда для бизнеса. Соответственно, ископаемые, флора и фауна (особенно пушнина) оказывались и в центре внимания исследователей и путешественников. Отсюда и существенное пополнение таблицы К. Линнея экспонатами происхождения из Северной Азии. И, напротив, сохранившийся в РГАДА между листами рапорта из Удского острога нераспечатанный конвертик с пробами урожая 1735 года, очевидно, не заинтересовал Сенат.

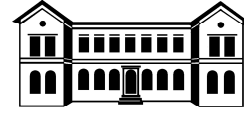
Заметим, что через Сибирь попадали в Европу карты, предметы, гербарии, чучела и китайского, монгольского или американского происхождения, как это произошло с подаренной Петру I императором Кан-си (Кам-хи) "точнейшей китайской карты..." или в 1762 году по результатам плавания на Большие Алеутские острова судна "Св. Петр и Павел" под командованием П. Башмакова.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Prof. Dr. Eduard I. Kolčinskij

Institut für Geschichte der Naturwissenschaften und Technik, Russische Akademie der Wissenschaften, St. Petersburg

Peter Simon Pallas: from collecting to theorizing

While he was working with zoological collections in western European museums, Pallas was not happy with a number of schemes that by that time had been suggested in order to represent graphically the relations among large *taxa*: an ascending ladder (Ch. Bonnet, 1750), a net (V. Donati, 1750), a "true nature" (B. de Jussieu, 1759), a geographic map (C. Linné, 1758), etc. In the first chapter "De Zoophytorum intermedia natura" of his *Elenchus zoophytorum* (1766), Pallas suggested to depict these relations in a different way - as a tree. This image would be subsequently misinterpreted as if Pallas had implied genealogical relations among *taxa*. At the same time Pallas sharply criticized saltationism and supported the principle of gradualism (*natura non facit saltum*) that had been formulated by G. W. Leibniz. Pallas's mental outlook was formed in his exploratory voyages across the vast spaces of the Russian Empire; he was well acquainted with the most advanced methods of studying animals and plants. His field observations and collections that he amassed during his voyages enabled him to discuss the problems of geographic variability of plants and animals, the relations between fossil species and modern organisms, the causes that had led to the extinction of some animals in the past geological epochs, the role of hybridization, isolation and domestication in the emergence of enormous diversity of domestic animals and cultural plants, the causes of variation in the stability and unity of wild and domesticated forms, etc. By the 1780s Pallas was able to summarize convincing arguments against limited transformism, as advanced by C. Linné and Buffon, who accepted the concept of transformation when it took place within a *genus*. At the same time, by expunging biology from the vestiges of naïve medieval transformism and defending the ideas of unity and stability of species, Pallas was preparing the ground for future scholars, who would raise the question about the natural causes of species' origins and evolution.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Dr. Natal'ja P. Kopaneva

Museum für Anthropologie und Ethnographie (Kunstkamera), St. Petersburg

О систематизации и описаниях материалов академических экспедиций первой половины 18 в. в каталоге Кунсткамеры "Musei imperialis Petropolitani vol. 1-2" (1741-1745)

Материалы, собранные в организованных Петербургской Академии наук в первой половине 18 в. экспедициях, поступали в музейные коллекции Кунсткамеры. В академическом музее они систематизировались в соответствии как с научными требованиями, так и с желанием представить их на экспозиции так, чтобы они привлекали внимание посетителей. Источником сведений о принципах систематизации коллекций и их научном описании служит опубликованный на латинском языке каталог "Musei imperialis Petropolitani vol. 1-2".

Публикация каталога проходила по мере подготовки описаний музейных коллекций. Первый том, состоящий из трех частей, публиковался с 1742 по 1745 гг. В первой части первого тома ("Qua continentur res naturales ex regno animali", вышла в свет в 1742 г.) опубликованы описания анатомической и зоологической коллекций, к тому времени едва ли не самых богатых и важных с научной точки зрения по сравнению с другими европейскими музеями. Вторую часть ("Qua continentur res naturales ex regno vegetabili", вышла в свет в 1745 г.) составили описания двух гербариев: амстердамского профессора анатомии Фр. Рюйша и петербургского профессора И. Аммана. В третьей части ("Qua continentur res naturalis ex regno minerali", вышла в свет 1745 г.) даны описания минералогической коллекции Кунсткамеры. Во втором томе в первую часть ("Qua continentur res artificiales", опубликована в 1741 г.) вошли описания научных инструментов, археологической, этнографической, мемориальной коллекций, а во вторую ("Qua continentur nummi antiqui", опубликована в 1745 г.) – нумизматического собрания академического музея.

Два тома каталога включали, таким образом, описания естественнонаучных (Naturalia) и художественных (Artificialia) коллекций Кунсткамеры.

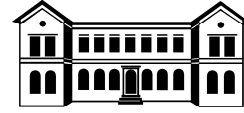
Участие в описании музейных экспонатов петербургских академиков, которые при систематизации предметов в Кунсткамере применяли новейшие научные классификации, позволяет судить об уровне развития естественных и гуманитарных наук в Петербургской Академии наук, что подчеркивает важную роль опубликованного каталога. Связь с издателями и книготорговцами Европы привела к тому, что все научные новинки, в том числе и каталоги коллекций, сразу же после выхода из печати появлялись в Петербурге. Именно поэтому петербургские профессора при описании коллекций Кунсткамеры могли ссылаться на современную им научную литературу. Во многих разделах каталога указывается научный труд, где есть описание, а также и изображение этого предмета с конкретным указанием на номер страницы и таблицы. Справедливости ради, надо отметить, что описания эти в каталоге не равноценны. Каждый раздел каталога, отражающий ту или иную коллекцию музея, составлялся разными учеными Петербургской Академии наук и естественно отражал тот уровень состояния научного знания, который приходился на вторую половину 30-х годов 18 века. Уровень развития естественнонаучного знания был выше, чем уровень развития

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

гуманитарных наук. Так этнографические описания в каталоге совсем скупы, есть ошибки в описании античных предметов.

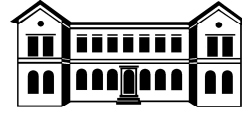
Первый печатный каталог петербургского академического музея, вобравшего в себя экспедиционные материалы, позволяет судить не только о составе коллекций, но и разных уровнях их классификации и систематизации.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Dr. Natasha Lind

Osteuropäische Abteilung, Humanistische Fakultät, Universität Kopenhagen

G. F. Müller's work on "Information about the Northern Sea Passage"

"Information about the Northern Sea Passage" has been published only once, in 1742 in the journal *Notes to the St. Petersburg Gazette*. It is devoted to the description of a Russian early explorer's journeys and discoveries in the Arctic Ocean and the northern part of the Pacific. Scholars have been uncertain both with regard to the date and the author. Many believed it to be written by Nicolas von Winsheim. Now we can prove that this work was written by Müller not later than March 1737. It was a commissioned work by Vitus Bering and the Admiralty.

As such it is the first work by Müller about the history of Siberia and the history of geographical discoveries. It was precisely while writing this work that he devised the critical method, which made him a pioneer in Russia. The work is based on Müller's studies in the Yakutsk archive, where he made the first serious attempt systematically to study large amounts of archival material. His earliest attempts to copy and systematize the material proved unsatisfactory, so he changed his approach. Thereby he managed: 1) to develop a system of organizing original files in an archive, which he later used as chief of the Foreign Office archive in Moscow; 2) he had learned how best to copy archive documents, demanding these to be exact copies without changes, emendations or shortenings: that was the origin of archeography – the discipline of studying and publishing historical sources; 3) he found that historical works had solely to be based on archival documents. Methodologically "Information" was still a retelling of stories in chronological order. But he tries to use the historical critical method, where it is possible and to be critical about the information of his sources.

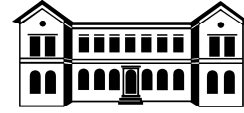
"Information" came to play a significant role in the history of the Second Kamchatka Expedition. Until 1737 the northern branch of the expedition had suffered several disasters during their sea voyages. As a result of this Bering and the Admiralty came to the conclusion that it was impossible to navigate in the eastern part of the Arctic Ocean and from there to the Pacific Ocean and Kamchatka because of endless frozen ice. It was only at this point that Bering officially asked the professors of the Academic group, Gmelin and Müller, about their opinion. Müller's opinion was expressed in "Information". Here Müller could show that early Russian explorers occasionally had been able to sail from Kolyma to Anadyr'. This led the Admiralty to decide that the Second Kamchatka expedition should continue to navigate the Arctic Ocean towards the east. On the other hand, this allowed Müller to claim that, just by sitting in the archive, he had solved the main problem of the Second Kamchatka Expedition: to establish whether there existed a strait between Asia and America, which Bering was unable to prove during his sea voyages. This, Müller's claim, was however based on a misunderstanding about the main purpose of the expedition.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Dr. Stefano Mattioli

Research Unit of Behavioural Ecology, Ethology and Wildlife Management, Department of Environmental Sciences, University of Siena, Italy

The introduction to the "De Bestiis Marinis" and the concept of species in G. W. Steller

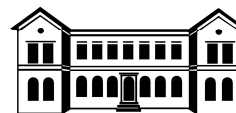
The Latin treatise by Steller contains detailed descriptions of four species of sea mammals: the northern sea cow, the northern fur seal, Steller's sea lion and the sea otter. But the introduction of the treatise is devoted to more general arguments, especially original and innovative speculations on morphology, ecology and biogeography. Food and climate, Steller argues, have a direct influence on body size, hair characteristics and life history traits. According to him, these adaptations consist in reversible changes (the modern "phenotypic plasticity"). Feeding habits and other ecological requirements affect the distribution of animals. Some animals with a broad spectrum diet have a vast range distribution, some with a narrow diet have only a restricted range. The author anticipates the modern concepts of euryecious and stenoecious species and that of the ecological niche. Steller illustrates these arguments by introducing domestic mammals (horse, sheep and cattle) and wild ones (squirrel, true seals, walrus, beluga whale, right whale). Steller's concept of species is typical for pre-Linnean naturalists: it is quite vague, flexible, tendentially wide, and more similar to the modern taxonomical categories of genus, tribe, subfamily and family. This greatly helped Steller to easily connect his observations to the descriptions of previous explorers and scholars, such as F. Hernandez, G. Markgraf, C. L'Ecluse and W. Dampier.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Dr. Vladimir S. Sobolev

Institut für Geschichte der Naturwissenschaften und Technik, Russische Akademie der Wissenschaften, St. Petersburg

Материалы журнала Д. Г. Мессершмидта об экспедиционной работе по изучению и собиранию памятников природы, истории и культуры (1718-1728 гг.)

В фонде Д. Г. Мессершмидта, хранящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук, особое место занимает журнал, который велся учёным с ноября 1718 г. по сентябрь 1728 г. (Ф. 98, Оп. 1, Д. 32). На наш взгляд, журнал является самым значительным и интересным источником на русском языке в научном наследии Д. Г. Мессершмидта, принадлежащем академическому Архиву (большинство материалов фонда написаны на немецком языке).

Журнал представляет из себя фолиант в кожаном переплёте, объёмом в 202 листа форматом 33 см. на 21 см., записанных с обеих сторон. Каждая журнальная запись имеет точную дату и точное наименование места, где она была произведена (например, Санкт-Петербург, Тобольск, Нерчинск, Иркутск и т. д.).

Согласно Указу императора Петра I от 15 ноября 1718 г., перед экспедицией Д. Г. Мессершмидта ставились чёткие и конкретные задачи: "изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей – трав, корней и семян" [1].

На первых порах, Д. Г. Мессершмидтом отправлялись царским чиновникам в регионы, куда направлялась экспедиция, письма с просьбой оказывать содействие. При этом обязательно следовала ссылка на упомянутый царский Указ, причём последний передавался дословно.

Однако, по мере продвижения экспедиции вглубь России, при подготовке подобных писем в местные органы власти, лаконичный текст царского Указа постоянно "творчески" изменялся и дополнялся. То есть число задач, стоявших перед экспедицией, искусственно увеличивалось, и они усложнялись. Например, в своём письме в Томскую приказную палату от 18 апреля 1721 г. Д. Г. Мессершмидт указывает значительно возросший круг задач, поставленных перед экспедицией, и просит содействовать их выполнению. Предполагался сбор и изучение следующих предметов: "травы и цветы; птицы лесные, полевые и водные; всякие звери; всякая рыба; образцы руды любого цвета; всякие древние вещи; могильные вещи..." Всё это предлагалось собирать и передавать в распоряжение экспедиции [2].

Можно предположить, что экспедиция столкнулась с такими невиданными, по меркам Западной Европы, природными богатствами Сибири и с таким большим объёмом ценнейшего исторического и этнографического материала, что и пришлось срочно, по ходу самого путешествия перестраиваться и постоянно уточнять цели и задачи.

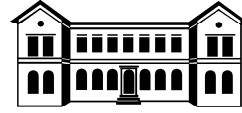
Журнал донес до нас конкретные сведения об обширной собирательской работе, проводимой экспедицией Д. Г. Мессершмидта.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Сбор научного материала в ходе экспедиции шел весьма успешно. В свою очередь, данное обстоятельство требовало неотложных мер по улучшению технической оснащённости всего этого предприятия.

Уже в марте 1719 г. Д. Г. Мессершмидт просил Сибирского губернатора А. М. Черкасского выделить дополнительно шесть подвод (вдобавок к шести уже имевшимся подводам) [3]. В журнал вносились и списки «подводчиков», то есть людей, которые бесплатно предоставлялись местными властями с подводами для перевозки постоянно растущего имущества экспедиции.

Еще в ходе самой экспедиции Д. Г. Мессершмидтом была организована отправка части ценного собранного научного материала в Санкт-Петербург. Так, в июне 1720 г. из Тобольска были отправлены в столицу рисунки и описания редких сибирских птиц.

Любопытно, что И. Д. Шумахер по указанию императора Петра I в августе 1721 г. доставил в Парижскую Академию наук, вместе с благодарственным письмом царя за избрание его членом Академии, еще и дары Петра I Академии. Это были новая карта Каспийского моря, а также часть рисунков и описаний сибирских птиц, полученных от Д. Г. Мессершмидта [4], причем, узнав об экспедиции Д. Г. Мессершмидта, французские ботаники выразили большое желание получить от его экспедиции рисунки и описания сибирских растений.

Известно, что после завершения экспедиции, последовала трудная эпопея доставки всего собранного бесценного научного материала в Санкт-Петербург.

Позднее многие из этих прекрасных памятников природы, истории и культуры вошли в состав первых академических музейных коллекций и стали основой проведения научно-исследовательских работ в стенах Санкт-Петербургской Академии наук.

Примечания

[1] Санкт-петербургский филиал Архива РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

[2] Санкт-петербургский филиал Архива РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 27-27 об.

[3] Там же. Л. 4.

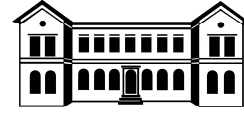
[4] Капелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Ленинград 1977. С. 48.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Dr. Frank Steinheimer

Zentralmagazin Naturwissenschaftlicher Sammlungen der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Ullrich Wannhoff

Berlin

Vogelbeschreibungen des 18. Jahrhunderts deuten lernen – mit einem Exkurs zu Georg Wilhelm Stellers originaler Namensgebung von Gelbschopflund und Meerscharbe

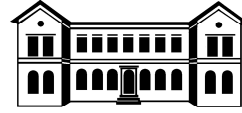
Ab dem Jahr 1758 nutzt die zoologische Nomenklatur jeweils den älteren Namen bei doppelter Benennung von Arten und Unterarten. Daher stammen etliche der heute gültigen Namen auch in der Ornithologie aus dem 18. Jahrhundert. Allerdings hat man damals unter völlig anderen Voraussetzungen als heute, in anderen Einordnungssystemen, unter verschiedenen Weltvorstellungen und ohne den derzeitigen weltweiten Überblick Arten beschrieben. Um heute noch zu wissen, von welcher Art wir bei Namen des 18. Jahrhunderts jeweils sprechen, hat die zoologische Nomenklatur einige Regeln aufgestellt, die die Prozesse der Namensgebung nachvollziehbar machen. Dennoch gehört ein teils enormes historisches wie ornithologisches Fachwissen dazu, sicher historische Namen den Vogelarten zuzuordnen, wie wir diese heute verstehen. Anhand zweier Beispiele von Steller, publiziert in Simon Peter Pallas' Werk *Spicilegium Zoologicum* von 1769, werden die komplizierten Wege der Namensanpassungen (neue Gattungsnamen, Adaption des Genus, etc.) bis heute nachvollzogen.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Prof. Dr. Andrej K. Sytin

Komarow-Institut für Botanik der Russischen Akademie der Wissenschaften, St. Petersburg

The Imperial Academy of Sciences in St Petersburg as a centre of activities in the scientific botany in the late 18th century

During the last third of the eighteenth century many eminent German scientists worked in Russia. It is interesting to note that several botanists followed the scientific interests of Tübingen University, in particular the question of the nature of sex in plants that had been studied by Rudolf Jakob Camerarius. Joseph Gottlieb Kölreuter (1733-1806) studied botany in Tübingen under Professor Johann Georg Gmelin, famous author of "Flora Sibirica". From 1756 to 1761 Kölreuter worked in St. Petersburg, where he pursued remarkable researches on hybridity in plants and studied pollen. The genus *Koelreuteria* has been named in his honour by Erich Laxmann (1737-1796), naturalist and explorer of the region around Lake Baikal. Samuel Gottlieb Gmelin (1744-1774) a nephew of Johann Georg Gmelin, was appointed Director of the Academy Garden in St. Petersburg in 1768. The Linnaean binomial nomenclature was adopted in Gmelin's "Historia fucorum" (1768). It was the starting point of the development of algology in Russia. Gmelin's successor in the function of Director of the Academy Garden was Joseph Gaertner, erstwhile Professor of Anatomy in Tübingen (1732-1791). By the time of appointment (1770) he had already begun work on his "*De Fructibus et Seminibus Plantarum*", but now he gave himself up almost entirely to this topic, becoming nearly blind as a result of his persistent studies, partly conducted with the microscope. His work was an inexhaustible mine of well-ascertained facts and a guide to the morphology of the organs of fructification and to its application to systematic botany.

One of the great scientific events of the last eighteenth century was Peter Simon Pallas's "Flora rossica" (1784-1788). Pallas was follower of Johann Gottlieb Gleditsch, a botanist who had worked in Berlin. Pallas as an early explorer of the steppes and deserts of Eastern Europe, the Crimea and south-eastern Siberia described many plant species, especially in *Chenopodiaceae*. His late work "*Species Astragalorum*" (1801-03) is the first monograph on the taxonomy of the enormous genus *Astragalus* (*Fabaceae*). Johann Anton Gleditsch (1745-1781) conducted an expedition that represents the first systematic study of the Caucasian flora and fauna. His good sense of judgment of taxonomy contributed to the accurate determination and description of phyletic groups in animals (genera *Spalax*, *Desmana*) and plants (genus *Krascheninnikovia*).

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Dr. Irina V. Tunkina

Archiv der Russischen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg

Дарственная М. В. Ломоносову на Усть-Рудицу как источник по истории науки 18 в.

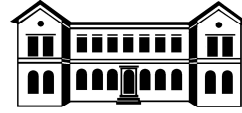
Статья посвящена уникальному историческому источнику – дарственной грамоте императрицы Елизаветы Петровны, выданной М. В. Ломоносову на землю в Копорском уезде для устройства стекольного завода (1756 г.). Грамота расписана рисовальщиками Герольдмейстерской конторы при Сенате по сюжетам, предложенным самим М. В. Ломоносовым. Автором предпринята попытка атрибуции и расшифровки аллегорических изображений миниатюр, большинство которых изображают процесс производства цветной смальты на Усть-Рудицкой стекольной фабрике. Последние распадаются на девять тематических групп: первая включает виды Усть-Рудицкой фабрики и ее рабочей слободы; вторая дает представление об оборудовании фабрики и способах изготовления ее инструментария; третья – подготовку исходных компонентов для варки стекла и показывает основные подготовительные процессы его производства; четвертая демонстрирует разные способы работы с жидким стеклом; пятая – способы обработки твердого стекла; шестая – изготовление мозаичных картин; седьмая – продукцию Усть-Рудицкой фабрики; восьмая показывает фундаментальный физический эксперимент – разложение белого солнечного луча на цвета спектра; девятая относится к биографии ученого – денежным затруднениям Ломоносова после строительства фабрики цветного стекла. Грамота, являющаяся выдающимся произведением русских художников-миниатюристов, заслуживает факсимильной публикации в цвете. Она интересна как ценнейший источник о жизни и деятельности М. В. Ломоносова, истории русской науки и техники, истории русской геральдики и эмблематики середины 18 в.

FRANCKESCHE
STIFTUNGEN
ZU HALLE

Max-Planck-Institut für
ethnologische Forschung

Zentralmagazin
Naturwissenschaftlicher Sammlungen
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Prof. Dr. Eberhard Winkler

Finnisch-Ugrisches Seminar, Georg-August-Universität Göttingen

Hartwig Ludwig Christian Bacmeister (1730-1806) und seine finnougrischen Sprachprobensammlungen

Unter den Sammelaktionen finnougrischer Sprachen in Russland im 18. Jahrhundert – zu nennen wären hier: Messerschmidt, von Strahlenberg, Müller, Tatiščev, Lepechin, Bacmeister, Schlözer, Pallas* – blieb die Sammelaktion "Nachricht und Bitte wegen einer Sammlung von Sprachproben" (1773) des in St. Petersburg tätigen Schulinspektors und späteren Etarats Hartwig Ludwig Christian Bacmeister weitgehend unbeachtet; sein Material ist bis heute wissenschaftlich kaum ausgewertet. Dafür gibt es externe wie interne Gründe.

- 1) Im Gegensatz zu den Sammlungen von z. B. von Strahlenberg, Pallas und teilweise Müller erschien Bacmeisters Sammlung niemals im Druck.
- 2) Anders als die meisten anderen Aktionen, die die Unterstützung des Zaren hatten oder gar von ihm initiiert waren, handelt es sich bei der Bacmeisterschen Aktion um eine Privatinitiative. Sie blieb also relativ unbekannt.
- 3) Der Bacmeistersche Nachlass wurde von Adelung übernommen und wird heute geordnet nach Sprachen im "Fond Adelunga" zusammen mit vielen anderen Materialien aus dieser Zeit aufbewahrt. Er ist in dieser Materialsammlung praktisch "untergegangen".
- 4) Ein interner Grund ist sicher, dass Bacmeisters Zeitgenossen mit seinen methodischen Anforderungen an das Einholen von Sprachproben überfordert waren. Die gelieferten Proben lagen weit unter dem Niveau des Auftrags, so dass Bacmeister seine Sammlung nicht veröffentlichte.

Bacmeister war mit Müller bestens bekannt, zeitweise wohnte er zusammen mit Schlözer im Hause Müllers. In dieser Zeit arbeitete er Müller als Gehilfe zu und hatte deshalb Zugang zu Müllers umfangreicher Materialsammlung. Durch diese Beschäftigung mit ihr wurde er auf die konzeptionellen Mängel und die Unzulänglichkeiten in der Durchführung der bis dato durchgeführten Sammelaktionen aufmerksam, die er mit seiner Konzeption einer Sprachprobensammlung zu vermeiden versuchte. Bacmeisters Sammlung steht methodisch weit über der von Müller und den anderen Sammlungen des 18. Jahrhunderts.

*) Fischer ist hier absichtlich nicht aufgeführt, da sein Material – mit Ausnahme der finnischen, ostjakischen und Teilen der permjakischen Liste – von den Müllerschen Listen abgeschrieben ist.